

3. ЧУДО БЕЗ ЧУДЕС

(извлечение из «Тайны Месропа Маштоца»)

[...] Так был создан дреанеармянский алфавит. Для полноты картины, следовало бы еще сказать, например, [...] о том, как были найдены названия армянских букв (*айб, бен, гим, да, еч...*)¹, и о многом другом.

Но гораздо интереснее другой вопрос. На чем покоится распространенное в средневековой (и не только средневековой) Армении убеждение о божественном происхождении, если не всего армянского алфавита, то во всяком случае тех его букв, которых не хватало в Данииловых письменах (на счет того, каких именно, средневековые историки имели самые противоречивые представления)? Судя по сохранившимся источникам — на следующих двух текстах V века.

1. *«Так претерпел он (Маштоц) много лишений в деле оказания доброй помощи своему народу. И ему было даровано такое счастье всемилостивейшим Богом. Святой десницей своей, он, как отец, породил новое и чудесное дитя — письмена армянского языка.»* (Корюн, 8)

2. *«И видит он (Месроп) не сон во сне и не видение наяву, но в глубине сердца своего десницу, явившуюся очам души его, писавшую на камне. Ибо на камне, как на снегу, видны были следы этих букв. И было то не простое видение, напротив, все подробности сосредоточились в уме Месропа, как бы в каком сосуде.»* (Мовсес Хоренаци, III, 53).

Перечтем эти пассажи внимательно. Кого имеет в виду Корюн, когда пишет, что *«он, как отец, породил новое и чудесное дитя — письмена армянского языка»*? Все средневековые писатели единодушно считали, что «всемилоостивейшего Бога». Все современные толкователи Корюна столь же единодушно утверждают, что — Маштоца. Кто прав? Неизвестно, ибо древнеармянский текст допускает и то, и другое понимание.

А что нам сообщает Мовсес? Что после молитв Месроп увидел *«не сон во сне и не видение наяву, но в глубине сердца своего десницу* (т.е. правую руку) *[...] писавшую на камне...»* и что *«было то не простое видение, напротив, все подробности сосредоточились в уме Месропа, как бы в каком сосуде...»* Если вдуматься в эти удивительные строки, то нетрудно заметить, что в них 1) отрицается, что Месроп видел вещий сон; 2) отрицается, что Месроп видел видение наяву, и 3) даже не упоминается имя божье. А утверждается в них

¹ [См. на эту тему Муравьев 2006, с. 132-138. — *Авт.*]

лишь то, что Маштоц вообразил или представил себе руку, пишущую на камне, и что весь армянский алфавит хранился у него в памяти. Вот и все. Но отрицается и утверждается все это так, что у читателя создается впечатление, диаметрально противоположное по содержанию: будто Маштоц увидел божественную руку, писавшую на камне как на снегу...

Насколько мне дано судить, мы имеем здесь редчайший образец того, как можно, нисколько не греша против истины, внушить людям нечто, совершенно этой истине противоположное. Я склонен считать, что обе формулировки (и уж по всяком случае упоминание «десницы») так или иначе восходят к самому Месропу, учениками которого были и Корюн, и Мовсес. И разумеется, не может быть и речи о том, чтобы винить Маштоца в лицемерии. После двух лет официального распространения Данииловых писем лишь божественное вмешательство, в глазах людей малообразованных, могло оправдать отказ от них и введение Месроповского переименованного алфавита. И то, что создатель этого алфавита оказался настолько щепетильным, чтобы внушить мысль о вмешательстве свыше, не кривя при этом душой, а пользуясь выражениями, заключающими в себе истину, доступную всякому желающему вникнуть в значение сказанного, только делает ему честь.